

Валерий Столыпин

Сборник рассказов

*И снов
Нескромная
Невинность*

*Человек - существо азартное
Не каждый способен отказаться от соблазна*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Столыпин

И снов нескромная невинность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67104066

SelfPub; 2022

Аннотация

Человек – существо азартное. Не каждый способен отказаться от соблазна. В моменты эмоционального взрыва, когда душа страдает, мается, предельно просто стать врагами или наоборот – близкими, стоит лишь руку протянуть: исповедаться, проникнуться чужой болью, разрешить себе быть хоть на короткое время самим собой. Любовь приходит и уходит, а мы остаёмся жить, несмотря ни на что. Интимные отношения – самая ранимая и болезненная, самая чувствительная и деликатная сторона жизни каждого. Малейшая ошибка – и сломана судьба. Хорошо, если одна. Сколько людей на Земле – столько и сценариев любви. У всех она разная.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

И снов нескромная невинность	4
Если бы вы знали	20
Пьяные танцы	53
Дай бог каждому	62
Стричься будем?	74
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Валерий Столыпин

И снов нескромная невинность

И снов нескромная невинность

Счастье – что оно? Та же птица:

Упустишь и не поймаешь.

А в клетке ему томиться

Тожe ведь не годится,

Трудно с ним. Понимаешь?

Я его не запру безжалостно,

Крыльев не искалечу.

Улетаешь?

Лети пожалуйста...

Вероника Тушинова

Ленка, моя Ленка! Её присутствие насыщало атмосферу терпким запахом грешных мыслей, сверкающих электрическими разрядами с эффектом гало на налитых влекущим могуществом соблазнительно рельефных упругих выпуклостях, которые были будто намеренно выставлены напоказ.

Чтобы понравиться именно мне.

Конечно, я так не думал, это было совсем не так, но справиться с вожделением уже было невозможно: наши отношения, продолжительное время курсирующие в фарватере невинных платонических чувств, предполагающих беседы, прогулки, изредка поцелуи, зашли в глухой тупик.

Не знаю, чего хотела Ленка, как представляла себе динамику доверительной близости: я держал в уме, усиленно фантазируя, единственно возможный вариант, в котором секреты и интимные тайны между юношей и девушкой перестают существовать: если любишь – всё должно быть повзрослому, включая семью.

Её изумлённо расширенные, то ли испуганные, то ли застывшие в восторге удивительно серые бездонные глаза поз-

воляли с лёгкостью необыкновенной заглядывать в глубину целомудренно-бесхитростной души – девственной и чистой, как вода в лесном роднике.

И это не метафора, даже не гипербола, это реальное положение вещей.

Но время не стоит на месте, оно динамично: после любого первого шага обязательно последует второй, даже если намерен стоять как отшельник-столпник на пяточке, размером с арбуз.

Я думал о своей девочке как о единственном в целом мире награде, думал всегда, даже ночами, особенно остро чувствуя потребность находиться рядом, когда смотрел на почти поспевший лунный диск, на рассыпанные в кромешной тьме мириады светлячков, до которых не дотянуться, не дотронуться.

Звёзды далеко, а Леночка рядом – только руку протяни. Но это тоже иллюзия, тоже обман: на неё можно было смотреть, вдыхать душистый ладан её волос, которые щёкотно лезли в нос, когда мы сидели впритирку; можно держать девочку за руки, дуть дурашливо на нос, прижиматься щекой, обнимать иногда за плечи.

Это всё. Всё, что дозволено, непонятно, когда и как навязанным этикетом.

Даже целовались мы лишь в воображении.

Нет-нет, я не был обижен, не чувствовал себя отверженным, просто хотел большего, хотел попробовать всё, чем могла удивить меня любимая. Я видел, чувствовал, знал, что запас девичьих тайн неиссякаем. Меня влекло любопытство и нечто большее, чего невозможно выразить словами.

Так было в восьмом классе, потом в девятом.

В десятом я окончательно почувствовал себя взрослым, хотя на фоне одноклассников, которые с лёгкостью необыкновенной рассуждали на не вполне этичные темы, обсуждая без стыда результаты интимных свиданий, выглядел щеглом, не умеющим летать.

У Леночки, как и у меня, не было друзей: на них не хватало времени. Мы всегда были вместе.

Разлука, даже на несколько часов, вгоняла меня в тоску, побуждала философствовать в негативном ключе: что, если не станет Леночки, допустим, нам необходимо по той или иной не зависящей от нас причине расстаться? Основания

не важны: её нет рядом. Этого достаточно, чтобы испытать муки одиночества. Зачем жить, если нет её?

Мы достаточно долго были вместе, усвоили толику бесценных уроков: научились целоваться, не отвлекаясь ни на что, по несколько часов кряду. Рассказывать детали не стану – каждый должен освоить эти навыки сам.

Казалось, что сделать это лучше меня никто не сможет.

Леночка была ненасытна и будто бы пьяна, я – чувствовал себя непревзойдённым любовником.

И вот мы вдвоём, на озере, где нет и не может быть никого, кроме нас. Короткое тундровое лето, недели две-три – не больше.

Мы переехали на мотоцикле через два болота и три Тармарки, глубокие, но узкие северные речки, в прозрачной воде которых плескались окуни, щуки и серебристые пелядки. Кричи – не кричи, никого, километров на двадцать, если не больше.

Ленка не понимала или делала вид, что не осознаёт, для чего мы здесь, что должно произойти в ближайшие несколько минут или часов, но ничему не препятствовала, словно

оцепенела или впала в прострацию.

Она была то ли в шоке, то ли в эйфории, требовала немедленно включить магнитолу, хулиганила, звала танцевать.

Неопытная. В тундре нельзя расслабляться, особенно в начале лета: считаешь до десяти и уже ночь.

Шучу, это было утро.

Несколько забросов спиннинга обеспечили нас ухой. Сухостой под рукой. Двухместную палатку мы поставили минут за десять, лагерь разбили играючи.

Солнце пекло невероятно, даже заставило нас раздеться: не так, как могут представить себе жители юга или средней полосы – мы сняли лишь свитера и фуфайки. Одежда за полярным кругом многослойная даже при температуре в двадцать градусов тепла: специфика климата. Комаров и мошку никто не отменял.

Я знал, зачем приехал: у нас было три до безобразия романтических дня.

Я и она, она и я. Даже во сне мне не могла подобная фантазия явиться.

Невостребованное томление, нечто, о чём Леночка наверняка слышала, определённо знала из девичьих откровений, туго распирало обтягивающую её упругую грудь кофточку, выплёскивало волны неизведанного, загадочного возбуждения, отчего её лицо горело стыдливым румянцем. Подругу накрывала растерянность и робость, если случалось слишком пристально посмотреть мне в глаза, особенно когда этот взгляд нечаянно рассекречен. Я это чувствовал, видел.

Именно потому нервно смеялся. Смеялся просто так, чтобы подбодрить себя, чтобы купировать ненавистную робость. А ещё потому, что возбуждён и испуган был сверх всякой меры. Потому, что хотел целовать её везде, прикасаться к самому-самому, хотел прижимать её настоящую, без покровов и тайн, поглаживать, где попало живую трепещущую плоть, не сдерживая себя, по вдохновению.

Хочу, хочу!

Хочу чувствовать всё-всё, что и она, даже больше, внутри и снаружи, когда моей руке позволено хозяйничать даже там, где нельзя, когда мы вместе как единое целое.

Хоть бы знак подала, что пора, что уже можно!

Три дня. У нас в запасе три бесконечных дня.

– Ленка, дурёха,— очнись, наконец! Ещё мгновение и ты уже ничего изменить не сможешь, – мысленно кричу я, опасаясь того, что девочка услышит мои мысли.

Уха выкипала, мы целовались.

Объяснять и выпрашивать не пришлось.

Раздевались по отдельности, по разные стороны от прибрежного куста. В воду заходили, не глядя, как в игре, когда нужно с завязанными глазами срезать с ниточки приз.

Я держал пальцы крестиком, хотя презирал суеверия.

Моя Ленка. Моя, моя!

Мы стояли обнажённые, возбуждённые, растерянные, испуганные откровенным недоверием, тревожной настороженностью, напряжённым ожиданием то ли обретения, то ли потери чего-то весьма важного: ведь видели мы друг друга нагими впервые.

А ещё, ещё мы до жути боялись шелохнуться в холодной, как оказалось, до одури, до лихорадочного озноба воде, тряс-

лись мелкой дрожью – не то от холода, не то от предательски сковывающего волнения и не решались даже за руки взяться.

Я решился на подвиг первым: неуклюже обнял Ленку, ко-
жа которой покрылась тугими мурашками, несмело прижал,
боясь что-то сделать не так, несмотря на атакующую так
некстати стаю гудящих и жалящих комаров размером навер-
но со шмеля и залезающих во все щели вездесущих мошек.

Мне было невыносимо стыдно – я чувствовал каждой кле-
точкой её упругую грудь, но более того беспокоило набуха-
ющее нечто, упирающееся в её девственный животик. Я бо-
ялся, жутко боялся, что Леночка, что ей это не понравится
и тогда...

Время остановилось, как стоп-кадр в кино, картинка зри-
тельного восприятия медленно поплыла, заваливая гори-
зонт, перевернулась вверх ногами и замерла, мигая на одном
и том же кадре.

В голове гудела странная пустота. Мне стало тесно внутри
себя, по причине чего пришлось временно покинуть тело,
которое вело себя развязно, странно.

Знаете, так бывает, когда смотришь интересное захваты-
вающий триллер, в котором главный герой вот-вот совершит

роковой поступок, потому, что не знает, не может представить того, о чём осведомлён зритель.

Эмоции поднимаются на уровень солнечного сплетения, запирают дыхание, отключают сердечные ритмы, тело скывает вселенский, нездешний ужас.

Но, то в кино, которое по желанию можно смотреть или не смотреть. Реальная жизнь куда напряжённее и жёстче.

Сердце может внезапно замереть навсегда, запас кислорода иссякнуть, не успев напитать кровяные клетки, снабжающие мозг, который дирижирует симфонией жизни. И всё!

Всё!

Страшно!

Кое-что: замедленный, коверкающий реальность видеоряд, я воспринимал, чувствовал и слышал, но неразборчиво, смутно. Так бывает при сотрясении мозга: головокружение, высокочастотный шум в ушах, двоение в глазах, тошнота, странного характера сонливость, клубящиеся как дымовая завеса провалы в памяти. Шок!

Возможно, это нормально для первого до безобразия ин-

тимного прикосновения к любимой, первой желанной близости, только не для того, кто стоит на краю, кто не вполне готов нарушить священное табу.

Леночка, не просто девушка – любимая, единственная во Вселенной.

Когда туман рассеялся, подруга расслабленно лежала на покрывале в позе морской звезды и беззвучно плакала, но улыбалась при этом как умалишённая.

– Я люблю тебя, Лёничка, люблю, люблю, люблю! Только не бросай меня, пожалуйста, ладно!

– Как ты могла про меня такое подумать!

– Могла, Лёнька, могла. Ты был не в себе. Не в том смысле, что во мне. Мне показалось, что тебя со мной совсем не было, что это был какой-то не ты.

– Вот же я, с тобой! Не выдумывай. Это нервы. Я действительно улетел, реально провалился в бездонную пропасть, но это было так необыкновенно, так прекрасно, так здорово!

– И мне понравилось. Не сразу. Сначала я испугалась. Чуть не грохнулась в обморок, хотя была заранее готова

стать твоей женщиной.

– Правда! Ты на меня не сердишься?

– Дурашка. Честно говоря, это было не очень приятно. Не расстраивайся, я сказала – было. Теперь по-другому. Поцелуй меня. Я счастлива.

Леночка незаметно, как ей казалось, прикасалась рукой к тому замечательному месту, которое до сих пор откликалось ликованием, ритмично трепещущей пульсацией, волшебным праздничным настроением.

Сладкая истома ненасытно терзала, расплавляла потоками восхитительного блаженства её растревоженную плоть, наполняя до краёв чем-то прозрачным, хрупким, призрачно невесомым, расслабляющим, согревающим, обволакивающим-блаженным, лишаящим способности концентрироваться и думать. Было у неё мимолётное желание раствориться, растаять, немедленно уснуть. Было.

Об этом я узнал позже. Допускаю, что Леночка могла просто придумать подобное обоснование. Я-то вообще ничего не помнил.

– Ленка, – нечленораздельно мычал я, – ты такая, такая!

Ты самая лучшая!

От неё изумительно пахло чем-то необыкновенным, волнующим, настолько, что от этой острой приправы раскачивало, плавно, словно на ласково-тёплых морских волнах, кружило голову и приятно таяло где-то внизу.

Прежде её тело источало сладкий аромат утренней свежести, теперь появились изумительные пряные нотки южной ночи, разогревающие ненасытное желание.

Комары и мошки пировали на наших телах. Уху и чай пришлось разогревать повторно.

Ночь в это время года была под хмельком: забыла, что каждый вечер нужно опускать шторы, окутывать землю мраком: всему живому необходимо спать.

В палатке всё равно было темно, но я всё видел: налитые груди, изумительной формы животик, разбросанные по сторонам ноги, ещё больше чувствовал, что это навсегда.

Заснуть было невозможно. Мы дурачились, сливались в экстазе, засыпали на мгновение и снова ласкали друг друга.

Три бесконечно счастливых дня, определивших навсегда

вектор безграничного счастья.

Мы не могли чувствовать и думать иначе.

Не могли.

Прошло три изумительно счастливых года. Нам по двадцать лет. Мы – семья.

Вся жизнь впереди: безоблачные горизонты, мечты, планы. Дух захватывает.

Нет, не вся жизнь – лишь чутельный отрезочек, можно сказать мгновение!

Я долго, сложно определить, сколько времени, неподвижно лежу на диване, который нет ни сил, ни желания разбирать, уставившись в одну размытую точку, которую, если честно, совсем не вижу.

Мне не до неё.

Зачем жить, если моя Леночка, если она – единственная женщина во Вселенной, которая мне дорога, которая мне необходима, как вода и воздух, моя жена, уходит к другому мужчине.

Уже ушла, хотя в квартире всё как прежде, всё на привычных местах: духи, туфли, расчёска, персиковое платье на плечиках, запах счастья.

– Что я должна делать, как поступить, если полюбила, – путано объясняет Леночка, заскочив за вещами, – да, не тебя! Это преступление? Нам было по семнадцать лет, когда клялись в вечной любви. Что я знала о жизни, чего могла понимать? Ни-че-го! Отпусти, пожалуйста. Давай останемся друзьями. Хочешь, я тебя поцелую?

– Друзьями, да, конечно, почему нет, – безразлично, в болезненной прострации отвечаю я. Ты надолго?

– Навсегда, Забродин, – шёпотом кричит Леночка, – неужели ты так ничего и не понял? Я от тебя уйду!

– Позвони, когда нужно будет встретиться. Я буду скучать.

– Посмотри на меня, – орала, багровея, смахивая непрошеную слезу Леночка, – ты совсем идиот?! Я уйду! К другому мужчине уйду, которого люблю больше жизни. Так вышло. Чего тут непонятного? Теперь он, он будет меня встречать! И провожать будет тоже он. И целовать! Спать я тоже буду с ним. Это тебе понятно!

– Понимаю, – глупо киваю я, – конечно спать. Но любишь-то ты меня!

Если бы вы знали

Вам когда-нибудь доводилось пережить полное выпадение из реальности, точнее, внезапный выход из сознания с частичной потерей памяти в то время, когда жизнь наполнена событиями отнюдь не простыми, не обыденными – эмоционально напряжёнными, пылкими, способными как вознести на вершину блаженства, так и опустить в бездну катастрофических последствий?

Со мной такое произошло, хотя поверить в подобное довольно сложно.

Когда морок рассеялся, я смог лишь контурно, без пикантных подробностей оживить разрозненные эпизоды прожитых с небывалым воодушевлением дней, несмотря на то, что очень старался восстановить мозаику произошедших событий.

Попытка расширить границы реконструкции потерпели крах. Возможно, странного характера амнезия – причина волнительной перегрузки. Ведь я не молод.

Сорок пять лет, сами понимаете – возраст переоценки жизненного опыта, период, когда начинаешь понимать, что

личные отношения зашли в тупик, что творческие и физиологические возможности начали выдыхаться; в профессии и карьере дышат в спину молодые, материальный достаток (в принципе, всё есть, но чего-то не хватает) выше не станет, а впереди маячит неприятная перспектива небытия и осознание, что все хрустальные мечты были не более чем бредом.

То, что казалось значительным, важным, с высоты прожитых лет выглядит сомнительно необходимым.

Например, любовь.

Но, обо всём по порядку, чтобы не запутаться окончательно.

Одно дело, когда тебе двадцать. За нежный взгляд, за возможность держать девушку за руку, за единственный поцелуй я готов был отдать душу, если не саму жизнь.

Женским вниманием интимного характера я не был избалован, хотя и в школе, и в институте был окружён по большей части будущими принцессами.

Было, ох было, на что и на кого обратить внимание!

Какие девчонки строили мне глазки: Юлечка Семыкина,

Вера Сазонова, Катя Верхотурова, Диана Ваганова. Всех не перечесать. Эти навсегда поселились в сердце.

Тонкие, звонкие, энергичные, озорные, симпатичные до жути.

С каждой из них были связаны пусть малюсенькие, но удивительно приятные романтические эпизоды.

С Катей мы даже целовались.

По договорённости. К сожалению, без любви.

Любопытно было.

Мне жутко понравилось, а Катя сказала, что всё про этот предельно глупый ритуал поняла, – что-то вроде игры в салочки. Я, мол, тебя запятнал. Ага, перебьётесь!

Не знаю, что именно она чувствовала в тот удивительный момент, какие сделала выводы и как боролась с искусами, но на втором курсе подруга забеременела (не подумайте, не от меня) и взяла академический отпуск. А я расширил границы поисковых экспедиций романтической пары за пределы курса, чтобы не нарываться на провокационные и ехидные реплики сокурсников-острословов.

Влюблялся я, точнее, вспыхивал восторженным ликованием и фейерверком причудливых фантазий, от полунамёка на возможность побыть наедине, от нечаянного, совсем не интимного характера прикосновения, от загадочно томного встречного взгляда, направленного не на меня даже, а в мою сторону; от звонкого голоса, заливистого смеха, дружелюбного жеста, грациозного движения и вообще от всего.

Меня вдохновляла девичья молодость, будоражили особенные, не свойственные самому черты характера, стимулировали, ободряли, вселяли надежду обнадёживающие фразы и многое другое.

Увы, вступать в реальные отношения мешала врождённая стеснительность. Я сам придумывал любовь, сам же её и зачёркивал, не достигнув желаемого, переживая и волнуясь тем не менее вполне реалистично.

Неспособность действовать была моей личной трагедией. Честно говоря, даже время спросить у постороннего было для меня почти неразрешимой проблемой, чего уж говорить о желании познакомиться, тем более, если рассчитываешь не просто на дружбу, а имея в виду поклонение, влечение и взаимную привязанность.

Леночка Смолякова, первокурсница, девушка, благосклонности которой добивался едва ли не весь её курс (теперь она двадцать с лишним лет как моя жена), подошла знакомиться сама, – Денис, пригласите меня на свидание, пожалуйста! Вы мне... вы мне... нравитесь.

Представляете, девчонка, у которой босоножки стоят дороже всего моего гардероба просит как бы об одолжении! Ведь могла выбрать любого.

Я робкий, но не глупый: какие перспективы у такого неравнозначного знакомства? Состоять при королеве одним из десятка пажей? То ещё удовольствие.

Взрыв мозга, который что-то серьёзно повредил, не заставил себя ждать.

Не поверите – я отказался: неуклюже, глупо, потому, что испугался последствий.

Разве мог я принять такой роскошный подарок за правду? Кто я и кто она!

Девушка расстроилась, но не отчаялась, хотя я старательно избегал встречаться с ней даже взглядом: мне было до жути обидно за себя, и стыдно.

– Почему ты ведёшь себя как мальчишка: бегаешь, прячешься? Завтра танцы в Доме культуры железнодорожников, у меня контрамарка на двоих. Вот, возьми её себе. Ну же, решайся! Я точно не кусаюсь. Вот номер телефона. Жду звонка.

– Почему я?

– Спроси что-нибудь менее заумное. У меня нет объективного ответа. Скажи, ты черешню любишь?

– Я любые ягоды люблю. Причём здесь черешня?

– Почему любишь?

– Наверно потому, что вкусная.

– Это не ответ, точнее не причина чего-то сильно хотеть. Представь, что ты её ещё никогда не пробовал, но всё равно любишь. Причём, это факт. Сможешь ответить – отчего ты уверенно тянешь руку к сочной ягодке, пуская при этом слюни, если даже приблизительно не знаешь, что тебя ждёт, как узнал, что любишь... и за что?

– Не уверен... не знаю... подумаю. За яркую привлека-

тельность, за аппетитный аромат, гляцевую сочность. Да за всё сразу. Причин много. И...

– Вот и я... не знаю, но хочу попробовать. Просто чувствую, что с тобой будет интересно, весело. А ещё сердце... рядом с тобой я его отчётливо слышу... каждой клеточкой. Такой ответ устроит? Если тебя смущает мой легкомысленный наряд, могу одеться скромнее, проще.

С ней было легко, уютно. Весело и греховно сладко.

Леночка – девочка-сказка. Я был предельно счастлив.

Тогда.

Танцы: руки на талии, руки на плечах, рука в руке, запах чего-то впечатляюще запретного.

У Леночки так чувственно тикала голубая жилка на переносице, так стремительно курсировали белёдые и алые пятна на груди и шее, так томно вздымалась миниатюрная, но упругая грудь.

Когда бы я ни посмотрел в её сторону, нежный, медового цвета взгляд был заинтересованно направлен непосредственно в мои зрачки, но в гляделки она не играла – спустя

несколько секунд Леночка смущённо опускала взор, наливаясь лёгким румянцем.

А ещё... ещё я заметил, насколько похожи наши мысли и действия, мимика и жесты в связи с текущими событиями, с взглядами друг на друга, с намерениями что-либо немедленно предпринять.

Стоило мне чего-либо захотеть, например, дотронуться до её миниатюрной ладони, как Леночка ненавязчиво протягивала руку.

В танце, почти нечаянно (велико было желание скрыть истинное намерение), я прикоснулся к её горячим губам, но испугался собственной смелости.

Леночка затрепетала, подалась навстречу. Не знаю, о чём думала она, я в ту минуту решил за себя и за неё всё-всё – семья, однозначно семья: я ведь её запятнал.

Как метко, однако, выразилась некогда Катя. Разве можно относиться как к обыкновенной подруге к девочке, которая подставила губы для поцелуя?

Целоваться мы научились за один вечер.

В постель легли спустя две недели.

Через месяц мы подали заявление на регистрацию брака, а в мае ожидали небывалое пополнение: Леночка была беременна двойняшками – Катей и Верой.

Это была самая настоящая, страстная, трепетная и нежная любовь, растянутая в бесконечности счастливых свершений.

В последнее время, когда близнята поступили в институт в другом городе, оставив нас, родителей, наедине друг с другом, освободив тем самым уйму энергии и времени, которое мы разучились структурировать, отчего-то общаться стало сложнее.

То ли проблемы, которых мы прежде попросту не замечали по причине усердия и предельной занятости нечаянно вывалились наружу, то ли кризис среднего возраста принялся собирать обязательную эволюционную жатву, расставляя акценты в неожиданных местах; то ли безусловное доверие и интимная близость из категории любовь и страстное желание перешли в номинации – скучная супружеская обязанность и навязчивая, порой утомительная, если не принудительная, по сути, привычка.

Рассуждать на подобные темы, тем более делать неприят-

ные выводы не было сил.

Жизнь с противным скрипом скользила по накатанной, но основательно выбитой в колею траектории: работа – дом, дом – работа. Раз в неделю скучный выезд на дачу, в пятницу – у меня вылазка с товарищами в парную, у Леночки – поход в салон красоты. Вечерами, после ужина, мы уединялись каждый в своей комнате, встречаясь на супружеском ложе едва ли не по расписанию.

Для чего я так подробно описываю эволюцию семейных отношений? Наверно пытаюсь хотя бы для себя обосновать, что явилось катализатором последующих событий, откуда, как говорится, ноги растут.

Незадолго до того как моё внимание привлекла стремительно, но удивительно изящно передвигающаяся по тротуару пара породистых девичьих ножек, состоялся до крайности неприятный диалог с непосредственным руководителем, который огорошил непозволительной относительно моего профессионального опыта и заслуженного статуса фразой, – незаменимых, Денис Витальевич, не бывает в принципе. Вашим местом весьма активно интересуются два очень перспективных молодых претендента. Напрягитесь... или мы расстанемся.

— А их, молодых и горячих, вы сможете заставить напрячься, или их самоуверенная спесь спадёт в ту самую минуту, когда они узнают, что согласно штатному расписанию не обязаны выполнять половину, если не две трети возложенных на это так называемое место непрофильных служебных функций?

Беседа закончилась как бы примирением сторон, но осадок оказался до крайности токсичным.

Я негодовал, кипел.

Это была первая ласточка поражения в правах на профессиональном поле.

А ножки шли и шли: энергично, уверенно, ловко, если не сказать — весело.

Я невольно засмотрелся на аппетитно соблазнительное чудо, хотя был за рулём, до максимума замедлил движение.

Любой мужчина обладает способностью мысленно погружать заманчиво сладкий объект в девичьем облики в иллюзорный гипноз. Для данной виртуальной манипуляции пригодны исключительно молодые и стройные, желательно чарующие непостижимым обаянием особы.

Девушка как бы погружается в глубокий телепатический транс и послушно следует указаниям stalkера. Желания игрока могут быть различными, степень пикантности, планка форматирования допусков и запретов зависят исключительно от фантазий и воспитания автора шоу.

Поверьте, увлекательнейшее упражнение, к тому же безопасное, тайное, надёжно защищённое от наветов и сплетен. Тысяча и одна ночь удивительных приключений, о которых никто никогда не узнает.

Чем старше мужчина, тем реже он развлекается подобным образом, потому что выделить из сотен и тысяч очаровашек одну довольно сложно, а завораживать каждую никакой фантазии не хватит.

Молодость – это дар, к сожалению эстафетного характера: насладился – передай другому.

Дочка-умница растёт на радость папе и маме, наливается сладкими соками, наряжается композицией заманчиво ярких соблазнов, ткань которых старательно создаётся совместными усилиями её самой и любящих родителей, передающих по песчинке молодость и энергию по наследству, теряя при этом собственное здоровье и привлекательность.

Таковы печальные реалии земного бытия. Изменить сценарий трансформации человека от хрупкой уязвимой клетки до последнего вздоха не в наших силах.

В молодости я довольно попользовался привилегией любить незаметно. Потом вспоминать опыт виртуального общения не было необходимости. Любовь – вечный двигатель, способный самостоятельно создавать все виды энергий. У меня была Леночка.

Вот видите – была.

Наверно уже тогда я допускал, что её (конечно не Леночки, а любви) может не стать. Она уже была призрачной, как живой утренний туман на реке, который не висит как обычный над землёй, а постоянно находится в мистически непонятном движении.

Мы вдруг научились браниться, ссориться, размахивать, словно светящимися мечами Джедаев обидными фразами, едкими замечаниями, пустячными претензиями, после чего уединялись, страдали, болели... и играли в молчанку, накручивая в уме дополнительные витки на катушку с обидами.

Когда я увидел те кокетливые ножки, спешащие куда-то не

сами по себе, а вместе с изящной грацией, хозяйкой волнующихся до самой поясницы каштановых волос, блестевших на ярком солнце, во мне бушевали две конфликтные стихии – неприятности на службе и семейная драма.

– Остановись, открой личико, Гюльчатай, покажись, дай насладиться совершенством, – неожиданно для себя вслух произнёс я и испугался подобной вольности.

Дива действительно остановилась. Развернулась в мою сторону, подошла к обочине, вскинула ручку в надежде остановить машину.

Да-да, стоило только подумать и вот...

Иногда люди, я об этом читал, попадают в некий энергетический поток, который из мимолётных желаний генерирует действия, наделяя любые устремления неукротимой силой.

Почему бы не побывать в подобной сказке мне?

– Присаживайтесь, милая леди. Домчу... хоть на край света.

– Спасибо, но, нет, там я уже была! Еле ноги унесла.

– Соглашусь на близкое путешествие.

– Насколько близкое? Уж не флиртуете ли вы?

– Затрудняюсь с ответом. Дар речи потерял. Вы прелесть, девушка! Меня Денис зовут... Витальевич.

– Денис Витальевич, я спешу. Разрешите откланяться. Тронута вашей отеческой заботой...

– Разве я настолько стар? Не гоните, велите миловать. Ваше имя, иначе я расстанусь с жизнью на ваших глазах.

– Живите, ради всего святого! Если моё имя способно стать пропуском для того, чтобы поймать такси, пожалуйста – меня зовут Александра... Игоревна. Суворова. Не родственница полководцу.

Девочка улыбнулась, кокетливо, но иронично трижды послала воздушный поцелуй кончиками пальцев обеих рук, причём в реверансе, – этого достаточно, надеюсь?

– Вполне, Сашенька! Я ваш раб. Не теряйте времени – присаживайтесь, где приглянется.

Юное создание на заднем сидении была весьма озабочена,

это было понятно по тому, как она то и дело включала экран телефонного дисплея, как нервно облизывала губы, как рассеянно щёлкала замком сумочки.

Разглядеть особенности лица в зеркало было сложно, но мимика и водянистый взгляд указывали на только что пережитую неприятность огромного масштаба.

Наши глаза в зеркальном пространстве встретились. Я улыбнулся в надежде на взаимность, но ответом прилетела раздражительная реплика, – вы не в моём вкусе. Нечего строить глазки! Сколько с меня?

– С вас, Сашенька...

– Александра!

– С вас, Сашенька, один единственный нежный взгляд. Если честно, я был счастлив находиться рядом. Поверьте, я почти позеленел, от свалившихся вдруг неприятностей. Мне было так плохо. И тут вы. Не сердитесь, но осмелюсь пригласить, вас... чего особенно любите?

– Люблю, когда ко мне не цепляются всякие...

– Проходимцы. Понимаю. Я не всякий. Честное слово.

Мне ничего от вас не нужно. Вру! Вру, конечно... мечтаю исповедаться, выговориться.

– И вы тоже?! Разве у нас в городе эпидемия? Ах, да – заметили глаза на мокром месте, решили, что в состоянии аффекта мы, девчонки, мягче пластилина.

– Дайте надежду на новую встречу.

– Не выдумывайте! Я девушка скромная. Не смотрите, что так ярко одеваюсь – это не боевой раскрас, скорее предупреждение – не влезай, убьёт!

– Уже убили. Я самый несчастный мужчина в мире. А телефончик! Хотя бы обманите.

– Это можно. Записывайте.

Сашенька стремительно скрылась во дворах. Мне стало ещё хуже.

Идти домой не было сил. Там моё настроение и вовсе проваливалось в трясины.

Лебеди и утки в городском парке ныряли, влюблялись, плавали. Я гресил. Успокоившись, направился домой.

– Явился, – язвительно прокомментировала моё появление Леночка, – можно поинтересоваться, кем или чем, увлёкся на сей раз? Нет, лучше соври. Так будет честнее.

– Давай поговорим потом.

– Как же! А давай – не давай, я устала!

– Какое совпадение настроений.

– Нам надо поговорить.

– Кому надо? Ты утром сказала всё, даже больше. Давай успокоимся. Иди, я тебя поцелую.

– Как игрушку, как статую? Ты меня бросил, ты меня больше не любишь!

– Не нагнетай. У меня кризис среднего возраста, у тебя климакс. Если будешь себя накручивать – лучше не станет. Слишком чувствительные женщины в период гормональной перестройки с ума сходят. Ты этого хочешь?

– Не дождёшься!

– Вот и поговорили. Я спать.

– Ещё бы! Накувыркался с кем-то, я теперь не нужна.

– Нужна, Леночка, но не такая. Я люблю другую...

– Вот ты и сознался!

– Другую Леночку. У той были ясные глаза и добрые намерения. Что бы я ни сказал, всё воспринимаешь в штыки. У меня на работе проблемы, дома ад. Куда бежать?

– По бабам, родной, по бабам!

Разве странно, что ночью мне не спалось, что перед глазами стоял фантом Сашеньки. Породистые ножки в сотый раз пробегали мимо, воздушные поцелуи летали по всей комнате.

К утру диалог, состоявшийся между нами, эволюционировал, развился. Мы уже были на “ты”, запросто общались, то и дело сливались в танце.

Я прикасался к ней, кружил.

До поцелуев дело так и не дошло.

Зато ужасно болела голова и болезненно донимала мучительная тяжесть внизу живота.

Жена, собираясь на работу, шипела, раскидывала, где попало вещи и обидные фразы.

– Ещё раз задержишься – разведусь, – крикнула из коридора, после чего громко хлопнула входной дверью.

– Вот туда и иди, – парировал я в пустоту, – у меня тоже нервы. Захочу – вообще не приду, вот!

– Зайдите, Денис Витальевич – непривычно робко пригласил начальник, – сорвался, знаете ли. Меня ведь тоже... как мальчишку отчитали. Мир!?

– Будет вам. Я и забыл.

Если честно, от извинения стало ещё горше. Мы были почти ровесники. Значит, не я один падаю в бездну.

Спасти от тревожных размышлений могла лишь она – Сашенька. Найти бы её, объясниться, что мной движет отнюдь не похоть, что чувства бывают непорочными, бесхитростными.

Наивный!

Я сам в это верил.

Весь день думы о Сашеньке не давали покоя. Тысячи оснований и обоснований разыскать и объясниться трансформировались в основательный список (профессиональная привычка).

После работы я поехал туда, где высадил девушку, умоляя фортуна или иную капризную даму, её замещающую, обеспечить такое стечение обстоятельств, чтобы мы могли встретиться.

На город уже опускались сумерки, когда я решил позвонить по продиктованному в шутку номеру.

– Слушаю!

– Сашенька?

– Александра.

– Это я...

– Узнала, Денис Витальевич. Что на сей раз?

– Я вас жду. Там же, где расстались.

– А жена...

– Я не собираюсь ей изменять.

– Тогда зачем встречаться?

– Поговорить.

– Ах, да – исповедь. Думаете, мне интересно?

– Хочу побыть рядом. Просто так.

– Забавно. Растеряли жизненную энергию, хотите подзарядиться, сбросить на меня болезни, невзгоды. Щедро!

– Вы не так поняли, Сашенька.

– Так-так! Не знаю чем, но вы меня тоже зацепили. Так-то! Хорошо, ждите.

Сердце долбило так, что я подпрыгивал на сиденье.

В голове царил невообразимый кавардак, сквозь который просачивалось к сознанию лишь имя – Сашенька.

Как она летит, расплываясь в туманном мареве, я увидел издалека.

Дальше случилось то, что никак не могу вспомнить до сих пор: мистика, загадка... я обнаружил себя у Сашеньки в квартире.

Спустя неделю.

О дате выхода из реальности сообщала последняя запись в ежедневнике.

Всё это время меня никто не донимал звонками. На работе сообщили, что необходимо закрыть больничный лист. Самое странное обстоятельство – он у меня действительно был.

Меня целый день преследовало ощущение, будто Сашенька находится рядом, на расстоянии вытянутой руки. Я отчётливо чувствовал тепло её разгорячённого тела, запах волос, слышал размеренное дыхание, звучание которого дарило спокойную уверенность – всё будет хорошо!

Вечером я позвонил по известному номеру.

– Долго ждать, Денис Витальевич, я соскучилась? Чего приготовить?

– Достаточно того, что ты есть.

Сашенька встретила меня в простенькой, довольно открытой домашней одежде, выглядела в которой богиней. Такую я её не помнил.

Девушка чмокнула меня в губы, отчего по телу разлилась дурнота и затряслись внутренности.

Неужели мы так далеко зашли? Что же происходило всю предыдущую неделю, как я вообще оказался в этой квартире?

Вопросы не находили ответа.

Сашенька усадила меня в кресло, придвинула журнальный столик, принесла ужин. Сама уселась напротив, обхватив колени, смешно запрокинула голову, – ты забавный, Карелин. Сажу вот и думаю – где ты раньше был? Представляешь, сколько бы всего глупого и печального со мной могло никогда-никогда не произойти?

– Лучше расскажи, что произошло. Я, знаешь, потерялся. Совсем. У нас что-нибудь было?

– Смеёшься?

– Вовсе нет.

– Лучше скажи – останешься или опять вернёшься к жене?

– Вернусь. Разве я уже оставался?

– Какой же ты... ладно, прощаю. Ты меня, правда, любишь?

– Не знаю. Ты – моя муза, моё вдохновение. Рядом с тобой я могу всё.

– Например!

– Скажи, о чём мечтаешь.

– Поцелуй меня.

– Я! А можно?

Вот такие приблизительно между нами происходили диалоги.

Каждый день.

Потом я уходил домой. И забывал всё-всё, кроме запаха волос, ощущения прикосновения и тревожного беспокойства.

Леночка встречала меня привычными претензиями, — мерзавец! Ты уже не скрываешь ничего. Я её видела. Эта фи-фа в дочери тебе годится. Не совестно спать с ребёнком?

— Уймись. У нас ничего не было.

Было или не было — я не знал, но и Леночка тоже, потому иногда настоятельно требовала физической близости, — любишь или нет — мне без разницы... хотя, на самом деле это не так. Мне необходим секс, понимаешь? Секс необходим всем. Я взрослая девочка, я замужем! Война войной, а любовь по расписанию. И не смей перечить!

Я жил в эфемерном пространстве, где происходили самые важные для меня события, самые значимые. Реальность меня больше не устраивала.

С Сашенькой я разыгрывал один сюжетный сценарий, с Леночкой другой, сам сливался с одного и другого, уходя в глухую несознанку, настойчиво вытирая из памяти всё, что могло прояснить ситуацию, которая день ото дня становилась напряжённее.

Леночка, в конце концов, не выдержала – ушла жить к подруге. Сашенька тоже внезапно испарилась.

Меня ломало. Виртуальные свидания изнурили.

Оказалось, что ежедневные встречи с любимой и привычные семейные дуэли необходимы, как воздух, чтобы ощущать себя нормальным, живым.

Время остановилось.

Телефон Леночки молчал, Сашенькин был вне зоны доступа.

Жену я проклинал за предательство, любимую ревновал, понимая, что не имею морального права ни на одно, ни на другое. Был бы настоящим мужиком – выбрал бы что-то одно, расставил, где положено точки. Так нет же – скрылся непонятно где, между прошлым и будущим.

Вот сейчас, когда полно времени, почему бы не принять окончательное решение?

Не успел.

Первой объявилась Леночка, – допрыгался, кобель проклятуший, догулялся!

– О чём ты, родная, ничего не пойму?

– Не телефонный разговор. Жди, сегодня приеду.

Спустя несколько часов ожил телефон Сашеньки, – соскучился? Не обижайся. Не могла тебе сообщить. Летала на конференцию в Европу. Ужасная скукота. Заставили. Жду.

Вот так поворот! Опять меня ткнули мордой в выбор, который в сложившихся обстоятельствах невозможен в принципе.

Стой там, иди сюда – это что, команда и на сей раз скрыться за границей иллюзий?

Вот теперь есть повод основательно задуматься. Обычная математика с натуральными числами ответа не даст, нужно мудрить. Но как, если кругом сплошные неизвестные вели-

чины?

Чего накопила Леночка, о чём молчит Сашенька?

Стоп! Нужно определить точку отсчёта. Леночка ещё не приехала, а Сашенька уже ждёт. Начинать нужно с самого начала.

Любимая привычно чмокнула в губы, – в гостях хорошо, а Денис Витальевич лучше. Между прочим, ты мне обещал...

– Я что ли? Проясни.

– Так не честно. Я тебя сватаю или ты меня?

Голову опять обнесло, – нездоровится мне, Сашенька. Можно, я домой?

– И так всегда. Меня реально замуж зовут. Ты как к этому относишься?

– Я подумаю.

– Чудак. Меня, а не тебя сватают.

– Скажи, Сашенька, мы это... того... было у нас чего или

нет?

– У меня было, у тебя – не знаю.

Вот тут мне стало совсем лихо. С момента той записи в ежедневнике, когда впервые выпал из реальности, прошёл год. Я так ничего и не вспомнил.

В этот момент позвонила Леночка.

– Извини, Сашенька, я побежал. Леночка приехала, а меня дома нет.

– Вот, Карелин, в этом ты весь. Её-то хоть любишь?

– Тебя люблю.

– Ага! Но не знаешь, было – не было. Прощай что ли. За муж я выхожу.

– А я?

– Тебя ждёт такая новость – закачаешься. Про сон забудешь – не только про меня.

– Чё за фигня, Сашенька, вышел я из того возраста, когда

сюрпризы способны поднять настроение.

– Точно знаю. Разведка донесла. К Леночке беги.

– Прости, любимая. Завтра встретимся.

– Как карта ляжет. Сдаётся мне – не увидимся больше.

Так и вышло – не увиделись.

Леночка ждала меня у накрытого стола, что уже было сенсацией.

– Рассказывай, – равнодушно выдавил я, – чего ещё выдумала?

– Дурачок ты, Карелин. Беременна я.

– Поздравляю. Кто родитель?

– Ну, ты и жук! Алёна Денисовна будет. Карелина. Опозорил на старости лет.

– Не бухти. У тебя же климакс. Какая Алёна?

– Настоящая. Видно Сашенька силой животворящей с то-

бой поделилась.

– Про неё почём знаешь?

– Встречались. Славная она, Сашенька.

– Так это твоих рук дело – будто свадьба у неё, то-сё?

– И да, и нет. Ты же ни Бэ, ни Мэ, а время идёт. Отпусти её с богом.

– Не могу. Люблю.

– А меня?

– И тебя люблю.

– Зато я не люблю, не потерплю разврата. Решай немедленно, с кем жить собираешься.

– С тобой.

– А Сашенька?

– Её я просто люблю.

– У меня ультиматум. Больше ни-ни!

Пришлось согласиться.

С тех пор сижу, пишу рассказы, но вспомнить ничего не могу.

Гложет меня вопрос, мучает, жжёт – было у нас чего с Сашенькой или нет? Как могло случиться, что я ничего, совсем ничего не помню?

Если бы вы знали – как я её люблю!

Пьяные танцы

Откуда чего берётся – непонятно. Не было прежде подобных традиций – собираться в канун Нового года всем коллективом и вдруг бац – явка обязательна. Отсутствующие на столь ответственном мероприятии автоматически лишаются тринадцатой зарплаты – ни больше, ни меньше.

Обидно, досадно, но ничего не поделаешь.

– Не расстраивайся, Ангелочек, – утешал муж, – нас по тому же принципу построили. Пригубишь шампанского, съешь бутербродик с икрой, сделаешь вид, что танцуешь и тихонечко, бочком на выход. Закажешь такси. Если хочешь – я у ресторана подежурю. Продолжим дома.

– Ты же знаешь, мне в гостях пить совсем нельзя, только, когда ты рядом, но нас предупредили – исключительно работники офиса, никакой самодеятельности. С каких пор и для чего непонятного назначения оргии в ритуал превратились. Не к добру.

– Почему в оргии? Мы же с тобой любим друг друга. Справимся. Пусть себе гуляют. Праздник всё же.

– Может ну её, тринадцатую эту: не жили богато – зачем начинать? У меня предчувствие. Знаешь – так бывает: что-то внутри протестует, сопротивляется.

– Ну, если для тебя сорок тысяч не деньги...

– С чего ты взял, что речь о такой сумме идёт?

– Сорока на хвосте принесла. Там ещё подарки будут, розыгрыши. Шубу тебе купим.

– Лучше на приданое для ребёночка отложим. Ты мне обещал – после праздников вплотную займёмся зачатием первенца. Ладно, уговорил.

Анжела выглядела принцессой. Эксклюзивное, скопированное с обложки глянцевого журнала яркое воздушное платье, какое позволить себе могла разве что дочь миллионера (она была редкостной рукодельницей-самоучкой, порой сама удивлялась своей способности шить и кроить), модельные туфельки в цвет платья, дорогущее нижнее бельё, на которые копила больше полугода, замысловатая причёска, душистый аромат, разжигающий желание.

– Не дурак ли я, Анжелика Фёдоровна? Такая корова нужна самому. А ну скидавай весь этот парад! Ребятёночка де-

лать будем.

– Не дурите, Сергей Трофимович, раньше надо было слюни пускать. Теперь я настроилась. Пойду сорок тысяч зарабатывать.

– Тогда не пей. Совсем ни грамма. Мало ли чего: голова там закружится или привидится чего.

Застолье вёл профессиональный тамада. Засиживаться и наедаться не давал, зато частил с тостами.

Через полчаса две трети гостей были больше чем навеселе. Тут и там слышны были многозначительные смешки.

Откровенные провокации ведущего, всё глубже заводившего коллектив в дебри эротических забав, коллектив принял на ура.

В танцах совсем перестали стесняться – игра же, весело же.

Горячительное лилось рекой, петь караоке выстроилась очередь.

Анжелика сидела на углу с надкусанным бутербродом и

нетронутым бокалом игристого вина.

– Выбираем королеву бала, – объявил ведущий, – лот номер один... назовитесь, фея, – тамада поцеловал Анжелике ручку.

– Ну что вы, какая из меня королева. Ради бога – не надо.

– Ваше имя, красавица? Аплодируем, голосуем.

Зал взорвался аплодисментами.

– Анжелика Фёдоровна Мусечка, замначальника планового отдела, – представил её генеральный директор. Отдаю голос и двести долларов на приз. Голосуйте, господа!

– Триста долларов, – неожиданно выпалил молоденький программист Виктор Елизаров.

– Рискуешь, придурок, – зашипели на него менеджеры. Видишь, на неё шеф глаз положил. Вылететь хочешь?

– Один раз живём.

– Продано, – дурачась, заорал тамада, – ваш танец, принц.

Виктор был в ударе. Танцевал он великолепно, был красноречив, обворожителен, весел.

Настроение Анжелики моментально подскочило на несколько десятков градусов.

Юноше легко удалось уговорить королеву выпить. Самую малость – один бокал, после чего мир перевернулся и заиграл волшебными красками.

После первого танца был второй, потом третий.

Захмелевшая, она позволила партнёру немного вольности: прижалась к нему щекой. У него была на редкость нежная кожа, как у младенца, и удивительный, с молочно-фруктовыми нотками запах.

Виктор всё кружил её, кружил, прижимая теснее, становился желаннее, ближе.

А как божественно он целовался!

– Фея, – шептал мальчишка, – я люблю вас, люблю!

– Я замужем, шалунишка, – шептала Анжелика, не в силах сопротивляться внезапному порыву, – отвези меня домой.

– Конечно, домой, принцесса, куда же ещё...

Они долго куда-то ехали, потом земля ушла из-под ног.

Женщина обрывками помнила, как кто-то щедро намыливал её податливое тело, уплывающее вдаль, как удивительно приятно ласкал скользящими, до ужаса приятными, проникающими повсюду движениями.

Она куда-то рвалась, чего-то особенного хотела, то проваливаясь в нирвану, то приходя в себя, не понимая, где, с кем, как сюда попала; принимала происходящее за сон, кричала в азарте восторженно-лихорадочного возбуждения, требовала немедленно сделать ребёнка.

Галлюцинация продолжалась целую вечность. Анжелика легко позволяла призрачному партнёру такое, на что никогда бы не решилась в реальности.

– Почему Серёжка так не делает, – смутно мелькало в сознании, – нужно будет попросить, – и тут же пугалась своих мыслей, – с кем же она тогда, с кем, – но, не успев вникнуть в суть запутанных ассоциаций, вновь и вновь проваливалась в экстаз, сладостно мучаясь очередным приступом судорожно приятных конвульсий.

С трудом разлепив отяжелевшие веки, Анжелика обнаружила себя в маленькой спальне на узкой солдатской кровати в обнимку с мальчишкой-компьютерщиком.

На ней не было ничего. Совсем.

Воздух был насквозь пропитан запахом разврата, смятое платье валялось под кроватью.

Женщина почти до крови прикусила ладонь, тихо завывала.

Утро врывалось в окна без занавесок. На грязном полу валялось дорогушее белоснежное нижнее бельё, которое было куплено для ритуала зачатия.

В памяти обрывками всплывали эпизоды вчерашней вечеринки. Щёки и что-то внутри горело огнём, голова раскалывалась на тысячи острых кусочков.

Анжелика попыталась бесшумно встать, но панцирная кровать скрипела как ненормальная.

Одежда требовала как минимум химчистки: мятые платья, вымазанные непонятно в чём трусики. Долго не удавалось найти вторую туфельку.

Женщина умылась, причесалась, как сумела, но внешний вид её был удручающим, ужасным.

В сумочке, кроме того, чему там быть положено, лежала тысяча долларов, сорок тысяч пятитысячными купюрами, две упаковки французских духов, какие-то игрушки, пачка презервативов, вид которых натолкнул на мысль – был ли секс защищённым?

Увы, следов контрацепции не было видно.

Что делать, куда идти, крутилось в голове, как теперь объясняться с мужем?

Сергей ждал её. Оправдываться не пришлось: всё было ясно без слов.

Благо хоть квартира принадлежала ей, и расставание обошлось без рукоприкладства.

С работы Анжелика уволилась. Родила, как положено – в срок. Девочку назвала Анечкой.

На шальные праздничные мероприятия она больше не ходила: слишком уж непредсказуемы последствия пьяных тан-

цев.

Дай бог каждому

Мариночка Лапина считала себя очень счастливой женщиной. Она вообще была человеком солнечным, жизнерадостным, добрым.

– Кому-то за всю жизнь ни одного разочка не удаётся влюбиться, а я... в меня до Вениамина Андреевича трижды влюблялись. Однажды, чуть было, замуж не выскочила. Дурочку одну малохольную пожалела. Забеременела она от моего Севки, аккурат накануне нашей свадьбы. Не змеюка же я подколотная – ребятёнка отцовского надзора лишать. Поплакала у жениха на плече и благословила его на отчий подвиг. Хороший он был, Северьян. А любил как! Вспомню – мурашки по телу. Ну да ничего – пережила, справилась. Слава богу – не последняя баба на селе.

Вениамин, начальник поездной бригады, улыбочивый такой, шустрый (состав не спеша петлял через всю страну), востроглазый, заметил Мариночку на одном из полустанков, где она покупала жареные семечки, варёный картофель да малосольные огурчики.

Было на что обратить внимание: фигурой, умением плавно нести над землёй многочисленные женские прелести и

чувственным очарованием Мариночку природа не обделила. К тому же коса до пояса, пронзительный застенчиво-смирённый взгляд, скромное обаяние молодости, миловидное личико и вообще.

Резкий гудок неожиданно возвестил отправку. Женщина вздрогнула, замешкалась. Ступени-то высокие, неудобные, покупка россыпью в переднике. Проводница шумит, руками машет.

Пришлось Вениамину доброе дело справить – прыгнул, подсобил.

Как глянул Вениамин снизу вверх под подол, где о чём-то греховном семафорили цвета бесстыдства чистенькие до одури трусики, как приподнял во весь рост спелые, налитые здоровой упругостью ягодицы, так и влюбился без памяти, только Мариночке о том ни слова не молвил: ходил – наблюдал, пока оказия не представилась словом перекинуться.

Был он не робкого десятка, причём при должности. Проводницы, что доверие его заслужить, повинность постельную по очереди несли. Особенно Венька любил замужних баб с шикарными бюстами и крутыми бёдрами, хотя сам был сухонький, жилистый, поджарый.

Накатанный железнодорожный маршрут, свои в доску проводницы, каждую из которых он что ни рейс – объезжал не единожды за дозволение хитрить по мелочи и торговать на остановках. Таковы были правила, которые сам же и устанавливал. Начальник бригады – величина. Без него прыщ на носу в составе не вскочит, потому скучать ему не приходилось.

Вениамин и сам выше головы не прыгал. Какой смысл влюбляться в первую встречную, рисковать должностью и здоровьем, когда вокруг цветник из проверенных лапочек без комплексов, но со справками о состоянии здоровья?

Особенно ему Варька Пронина нравилась – подмахивала здорово и никогда не кочевряжилась: как вздумается начальнику, такую позу и примет. Иногда сама что-нибудь эдакое заковыристое любила применить. К тому же певунья и не пьянела.

Она и сейчас за Венькой едва не по пятам ходила. Привычка – вторая натура. Любила она это сладкое дело, хотя замужем была за двухметровым бугаём с плечами как у кузнеца-молотобойца.

Мариночка показалась ему слаще, особенно после того как подержал в ладонях всю мощь её сочных ягодич.

Спал и видел Вениамин, как освобождает нежные дамские плечики от покровов, как чувственно шарит в поисках неземного наслаждения по объёмным холмам, спускаясь в долину сладострастия. Представлял, словно наяву, как укладывает скромницу на заветную кушетку, которая до мелочей приспособлена к приёму дорогих гостей, как медленно стягивает ненужный, даже вредный на ложе любви последний аксессуар, скрывающий желанную щёлочку от вторжения.

Приставучих проводниц, будь они неладны, гнал в этот раз взащей, – не до вас, шалавы! Работы много.

На одном полустанке даже цветы купил. На всякий случай.

Случай представился. Мариночка пошла в вокзал – книжку купить в Союзпечати. Путь долгий, будет, чем коротать дни и ночи.

– О, а у меня в купе целая библиотека. Про любовь есть, приключения всякие, детективы. Милости прошу к нашему шалашу. У меня гитара имеется, музыка на любой вкус. А то можно в ресторане посидеть. У меня там скидка приличная – по должности положено. Можно винца пригубить, или, к примеру, водочки. Соглашайтесь, милая незнакомка.

О том, что сладкие прелести миловидной прелестницы мерещились в иллюзорных приключенческих сценах, прокручиваемых в воображении бессонными ночами, Вениамин умолчал. Показать себя с лучшей мужской стороны он был мастер. Разговорным жанром тоже владел в совершенстве.

Главное – найти способ без ненужных подозрений залучить проказницу, заманить в райские кущи, без разницы чем, а коли наживку заглотит – бери голыми руками. Такой приз он ни за что не упустит.

Вениамин был в меру симпатичен, обаятелен, потому не заставил Мариночку насторожиться. Почему бы нет – подумала она? Дорога длинная. Винца она тоже с удовольствием откусает под хорошую закуску, тем более, даром.

Относительно “даром” женщина не особенно обольщалась, скорее не придавала значения стоимостному значению обменного эквивалента. Ведь мужской интерес, каждой понятно, вращается вокруг аппетитных округлостей и прочих вполне земных сфер влияния.

Не девочка. Физкультпривет в постели с улыбочивым и галантным собеседником может стать не только приятным, но

и полезным дополнением к утомительному путешествию.

Ехала она через Владивосток, проведать маму. Туда-сюда – более шести суток в одну сторону только в вагоне. Самолётом быстрее, но дорого.

Щедрое предложение не без интереса было принято.

Сначала парочка долго парилась в тамбуре: привыкали друг к другу, покуривали, знакомились.

Губы у Вениамина оказались чертовски сладкими, руки умеренно наглыми и умелыми.

Рукусуйство, объятия и поцелуи рождали удивительной силы волнующие каждую восторженную клеточку вибрации.

Навязчивые желания требовали физического воплощения, но уступить сразу – потерять достоинство. Нужно выдержать марку, дать понять – ценный приз нужно заслужить. Вот только стоит ли с разбега ложиться под скорый поезд?

Была – не была, решила Мариночка и нырнула в омут бесстыдно сладостного азарта. В конце концов – не каждому дано жить исключительно в любви. Иногда нужно просто уступить хорошему человеку – расслабиться и получить удоволь-

ствие вместе с другими попутными плюшками в виде праздничного продуктового меню и приятного во всех отношениях общения.

Вениамин прикасался к ней дрожащими руками, нежно шебуршал горячим языком во рту, а в ушах начинал нарастать ритмичный гул, низ живота набухал приятной слякотью, и голову обносило, как давно уже не приходилось испытывать и вообще могло никогда больше не случиться.

– Вениамин, – из последних сил сопротивляясь соблазну, спросила Мариночка, – у вас семья имеется?

– Скрывать нечего – женат, по любви между прочим, двух детишек воспитываю. Но я человек честный. Знаете, у мусульман очень строгий семейный кодекс, но когда мужчина в дороге – ему многое дозволено. Воздержание для нашего брата весьма опасное мероприятие. Можно домечтаться до простатита или ещё хуже. Нет у меня желания, Мариночка, обманывать вас. Конечно, я не мусульманин, но дорожные послабления чту свято. Вы мне так понравились, так понравились! Из столицы едете, значит, рядом с мегаполисом живёте. Может даже мы соседи.

– Под Ярославлем обитаю, в Мышкине.

– Надо же! И я оттуда, вот так встреча! Да нам сам бог велел переспать, любовью поделиться. Давай, милая моя девочка, обмоем наше приятное во всех отношениях знакомство. И это... переселяйся уже ко мне. С полным, так сказать, пищевым и прочим материальным довольствием. Дадим шороху, землячка! Мышкин! Надо же! А я-то думал – чего меня так шарахнуло: спать не могу, есть не могу – хочу и всё тут. Видно духом родным от тебя повеяло. Вино будем пить или водку?

– Давай уж, Веня, без предисловий. Соловья баснями не кормят. Веди в свой дворец, познакомимся ближе, там и решим.

– Неужто и тебя зацепило? Как я рад, как я рад! Нет в жизни случайностей, который раз убеждаюсь. Мне тебя бог послал, не иначе.

Радости особой с разбега не случилось: видно переволновался бедолага.

Мариночка, гладила скакуна, успокаивала, – отдохни, соколик. С каждым может случиться. Вот баба-дура. Нужно было водочки махнуть для храбрости, а я сразу быка за рога. У меня на такой случай средство есть, только особо не сердчай. Особенное средство – не каждому мужику по нраву.

Вениамину лекарство понравилось, лечебный эффект и того слаще показался.

Дальше его уговаривать не пришлось: скакал до самого Владивостока как подорванный.

– Долго гостевать собралась?

– На весь отпуск. Через две недели обратно.

– Меня дождись. Христом богом молю. Ты теперь для меня первая женщина на Планете.

– А эти? Я же вижу как на тебя проводницы зыркают, особенно Варька из третьего вагона. А жена?

– Жену не брошу, не обессудь. А эти... с их не убудет, а мне малая радость. Не ревнуй, с тобой ни одна из этих мокрощёлок не сравнится.

– Неужто влюбился?

– Это другое, Мариночка. Ты как пирожное с абрикотиновым кремом. Чем больше ешь – тем слаще. Но хлебушка тоже хочется.

– А мне какво! Мне-то обидно. Замуж, жуть как хочется. Детишек хочу нянчить.

– Тю, детишек я тебе сколь угодно настрогаю. У меня все бабы с первого разу залетают.

Так они ни до чего серьёзного и не договорились, но мечтать Мариночке никто не запрещал. Чего она в башке у себя понавыдумывала – целый роман с продолжением. Джэн Эйр отдыхает.

Если любит, думала она, от той бабы ко мне переметнётся, никуда не денется. Тут ведь что важно – каким боком поворачиваться, как подмахивать, как хвалить да глазоньки закатывать.

Обратная дорога вдвое слаще показалась.

Венька всю мёл хвостом: улажал девульку и днём и ночью, подарками завалил.

Мариночка даже думать боялась, что ещё пара дней и закончится их дорожный роман ничем.

Быть такого не может.

Потому, не сомневаясь, и выкатила любовнику ультиматум, – жениться должен. Беременна я от тебя, вот!

– Кто же против живого ребятёнка, любя моя. Рожай на здоровье. Буду к тебе с визитами наезжать, денегат время от времени подкидывать. У меня тут, на составе, бизнесов много. Прокормлю.

– Э-э, так не пойдёт! Ты к ней, к супружнице нынешней с визитами наезжай, а со мной жить налаживайся.

– Я тебя предупреждал: семья – святое. Любовь и обязательства – не одно и то же. Я мужчина православный, в церкви венчанный. С другими бабами проказничать только в рейсе дозволено. Не обессудь. Тут тебе ничего не обломится. Пиши свой адрес. В рейс – хоть каждый раз с собой брать могу. Дома подобными шалостями не балуюсь.

– Какие же вы все, – сокрушалась Мариночка, – непостоянные. Только одного от нас, женщин, вам и нужно, а как до дела – в кусты.

Вот и четвёртый раз, пока ещё молодая и красивая, повезло доброй женщине влюбится. Будет теперь о чём с дитём желанным поговорить, о чём рассказать, когда подрас-

тёт, вопросы каверзные задавать начнёт.

Не в разврате и мерзком лицемерии малец зачат, от любви, в согласии духовном на свет появился.

Мариночка не в обиде на милого да любого. Замечательный человек Вениамин Андреевич Кулешов. Кто же виноват, что вера и высокие моральные принципы не позволяют ему распутничать. Денег он присылает, слава богу, не скаредничает, её саму время от времени близостью радует.

Каждому бы так в жизни повезло.

Стричься будем?

Люся вышла расстроенная, слегка подшофе после встречи с одноклассниками, где всё-всё с первой минуты пошло совсем не так, как ждала, как надеялась, где на неё единственную никто-никто не обратил внимания, с неодолимым желанием любым способом, причём немедленно, поднять самооценку.

Никто её не выслушал, даже Генка Забродин, с которым, бывало, на переменах целовались в школьном саду за сараем с лопатами и мётлами. А ведь как хотелось открыться, вывернуться наизнанку, вытряхнуть из чуланов души ошмётки ненужного эмоционального хлама, очистить переполненные тайники хранилищ памяти для чего-то нового, уютного, доброго, убедиться, удостовериться, что время одинаково беспощадно ко всем, а не только к ней одной.

Никто не предложил углубиться в романтические воспоминания, которые были, были: никто не обнял, даже по-дружески, никто не пожалел. Причин разгуляться, пойти по бездорожью в любую сторону, пусть даже прыгнуть к первому встречному в постель, было предостаточно, хотя хватило бы просто поплакаться в жилетку.

Болезненный разрыв с мужчиной, которого долгое время называла любимым, в котором растворялась без остатка, накрыл с головой ужаснейшим настроением.

Это нечестно, гадко – использовать и бросить ради какой-то там расфуфыренной фифы, которая даже её сломанного ногтя не стоит, которая палец о палец не ударила, чтобы завоевать чужого мужчину! Молодостью взяла.

– Аукнется ему, аспиду, аукнется! И её туда же, мануфактурщицу. Она же вся надувная, синтетическая, неудачный продукт актёрского мастерства и пластической хирургии.

Гнетущее одиночество среди толпящихся повсюду с кислыми лицами мужчин и женщин, которые безразличны до безобразия всё сильнее подогревало желание немедленно разреваться или спрыгнуть, не глядя, в какую-нибудь бездонную пропасть, как случилось однажды в Крыму.

Настроение в то утро было ужасное. С квартирной хозяйкой накануне повздорила, подруга всю ночь на соседней койке ублажала прыщавого кавалера, хотя договаривались в самом начале – никаких вольностей, только отдых: свежий солёный воздух, солнечные ванны и море.

Когда начало светать, Люся не выдержала пытки шумным

разворотом, схватила одеяло и пошла в сторону ближайшей бухты, чтобы доспать на берегу.

Как назло, землю накрыл густой солёный туман. То ещё зрелище. Ни до, ни после такого явления видеть не приходилось. Возвращаться назад не было желания: слишком вызывающе дерзко вела себя наглая парочка.

Морской прибой шелестел едва слышно, но направление движения угадывалось. Однако вышла она не к пляжу, а на обрывистый берег. Пропасть под ногами разверзлась неожиданно. Ещё шаг и прыжок в пустоту, на дне которой острые скалы.

Испуг через несколько мгновений сменился паникой (Люся ревела, пока горло не сжали спазмы, не в силах развернуться и отойти), потом странным оцепенением и любопытством – что будет, если развести руки с одеялом в стороны и прыгнуть?

Если бы не порыв ветра, заставивший напрячься, чтобы удержать равновесие, кто знает, чем могла закончиться истерика.

Иногда Люся жалеет, что не прыгнула.

Не было бы тогда страданий, переживаний, приклеившейся как банный лист к заду депрессии и вообще ничего такого.

Сегодня ведь выходной – суббота, давно ставший привычным день свиданий, иногда сладкий до невменяемости праздник плоти.

– Не для меня придёт весна, – жалела себя внутренним голосом Люся, – и сердце девичье забь-ё-о-тся... с восторгом чувств... не для меня. Не для меня!!! Вот так вот, Люсьен! А всё почему? Дура глупая потому что, неудачница жалкая. Даже мужика удержать не можешь.

С утра не кончался унылый, совсем не летний дождь, добавлявший настроению целый букет к бесконечному ряду и без того минорных настроений. И нет никого в целом мире, кому она нужна, кто любит, кто ждёт.

Как до обидного странно устроена жизнь: стоит только расслабиться, успокоиться, устроиться поуютнее на надёжном плече любимого, разложить по полочкам милые сердцу романтические мечты, почувствовать свежее дыхание нарождающегося счастья, загадать при удобном случае на упавшую звезду заветное желание... и облом.

В одно мгновение всё это сказочное великолепие по воле

кого-то третьего (о существовании кого ты ни сном, ни духом), рушится, летит вверх тормашками и ты уже не невеста, не любимая даже, а вообще непонятно кто.

В голове докучливыми мушками мелькают совсем некстати нелепые в сложившейся ситуации мысли: выключен или нет утюг, закрыт ли кран, не прокиснет ли грибная подлива, которую в холодильник не поставила, потому, что слишком горячая была.

Чёрт бы побрал отдельную квартиру, налаженный с таким трудом быт, и уют, если нет, и не предвидится даже малой толики удовлетворения от всей этой бесполезной роскоши, если нет в жизни главного – живого общения с ним, с единственным человеком, без которого это всё теряет смысл!

Нет желаний, нет сил, утеряно чувство гармонии, равновесия. Напиться что ли! Вдрызг. Чтобы истощить до предела жизненные соки, чтобы иссохнуть, превратиться в мумию, в абсолютное ничто.

Непонятно как, на автопилоте, оказалась Люся в городском парке.

Праздная публика, палатки, лотки.

Духовой оркестр играл танго “Брызги шампанского”, потом вальсы, вальсы. Парочки неумело танцевали вразнобой.

Смотреть на то, как кто-то умудряется жить в ритме танго, как веселятся, обманывая себя, будто жизнь — это бал, было тошно.

Только ты на него не попал! Не по-пал!

— Я стала старше на один роман, на одного любимого мужчину. Вчера казалось, что сойду с ума,

сегодня знаю — это не причина. Но брошены ключи на круглый стол, и лбами жизнь столкнёт теперь едва ли... Я счастлива, что ты меня нашёл, но горько, что друг друга потеряли...

Зарыться бы в песок, залезть в нору, свернуться клубком, упасть в анабиоз. Как, как ещё вырваться из замкнутого круга?

— Снова вы здесь... и опять грустная, — остановил её размышления старик, выгуливающий беспородного пса, — не желаете составить компанию? Мне одиноко, вы чахнете в беспросветной мгле, не умея отпускать то, что рассыпалось, превратилось в тлен. Вам нужно выговориться. Это помога-

ет.

– Одной проще, – парировала Люся, когда глаза мужчины остановились на её лице.

Женщине показалось, нет, ошибиться сложно, это было почти физическое ощущение прикосновения. Довольно приятное, но совсем некстати.

Обычно в подобных ситуациях Люся смущённо опускала глаза, краснела, а теперь нет. На этот раз она ответила, почти с вызовом, дополняя нескрываемую иронию независимой позой и красноречивой мимикой, словно приглашала принять участие в поединке, в котором намерена лидировать. Это была защитная реакция.

– Ошибочное суждение. Человек в тоске не способен быть одновременно подсудимым, обвиняемым и адвокатом. Необходим третейский судья, на крайний случай просто свободные уши. Например, случайный попутчик. Ситуацию, произнесённую вслух, проще осмыслить.

– Сколько вам лет, дедуля?

– Настолько плохо выгляжу? Сорок три, если данный факт имеет значение. Была проблема со здоровьем, серьёзная кон-

тузия. Издержки профессии. Теперь выздоравливаю. Если убрать полинявшие кудри с головы и всю эту бесполезную растительность на лице, вы меня не узнаете. Позвольте представиться – Анатолий Романович Шершнёв. А это Сальва-тор, мой компаньон, друг и спаситель.

– Вы военный?

– Геолог. Теперь молодой пенсионер. Я так понимаю, предложение исповедаться принято, так?

– Допустим. Начните с себя.

Душевная усталость таяла на глазах, растворялась в заинтересованном мужском взгляде. Распирающее изнутри напряжение, от которого так противно дрожат внутренности, не беспокоило отчего-то или притаилось. Привычные болезненное состояния вытеснило желание немедленно расплакаться, но совсем не от беспомощности, обиды или жалости к себе – от восторга, от внезапно нахлынувшего желания жить, непонятно откуда залетевшего вдруг.

Старик неожиданно начал как бы молодеть: взгляд и голос выдавали возраст.

– Ты же мечтала поплакаться в жилетку. Лови момент –

рыдай, сколько влезет, – подумала Люся.

– Хотелось бы знать, как обращаться к столь печальной и трогательно скорбной юной особе.

– Не такой уж юной. Скоро вас догоню. Люся... Малыгина, мама звала Милой. Но её больше нет. У меня вообще никого нет.

– Жаль. Очень жаль! Но это не повод для уныния. Буквально во всём можно при желании обнаружить позитивное начало, стимул начать карабкаться наверх, к звёздам. Не находите, перспектива объединить усилия в борьбе за счастливое будущее – замечательный повод познакомиться?

– Вы, Анатолий Романович, или знатный плут, или неисправимый альтруист. Сознайтесь – вы ко мне клеитесь.

– Помилуйте, Милочка, простите за тавтологию, я из лучших побуждений. Хотя, доля коварства имеет место быть. Скучаю, нуждаюсь в общении. А тут вы, как нельзя более, кстати. Такая, знаете ли, волшебная, в очаровательном, печально-романтическом образе несчастной чеховской героини, как бы умудрённой опытом, вкусившей нечаянные плоды духовного и физического опустошения, отчаяния, досады. Вот и подумал: я помогу вам разобраться в себе, вы пода-

рите радость живого общения мне. По-моему обоюдная выгода.

– Если отбросить выпадающий даже в самой прозрачной жидкости осадок. Боязно, если признаться честно, впускать в душу постороннего. Уж не хитрите ли вы меня, не плетёте ли интриг?

– Поклёп. Прозрачен и чист. Порочащих семейных и прочих связей не имею. Хронически холост, с того самого дня, когда некстати вернулся домой с очередных полевых изысканий. Найденное в супружеской постели ископаемое добывать и добывать не стал. Отпустил вместе с женой в свободное плавание. Что мы всё обо мне, да обо мне. Речь о том, чтобы излечить ваш, милочка, смертельный недуг. Итак...

– Давайте определимся – какой кристалл вы намерены отыскать, на какие плюшки претендуете?

– Не я, вы! Начнём с внешности. Вы ведь комплексуете по этому поводу?

– И да, и нет. Кое-что, конечно, не всё, мне в себе нравится.

– Согласен. Могу обрисовать вкратце ваши сильные сто-

роны: необыкновенной глубины глаза, это бесспорно, породистый профиль, ямочки на щеках, уши – необыкновенно сексуальная деталь. Зря вы их прячете. Открытый лоб...

– Вы геолог или стилист? Я начинаю вас бояться.

– Всё, больше не буду. Весь превращаюсь во внимание. Можно взять вас под ручку?

– Прекратите меня сканировать, я чувствую себя неуютно, неловко. Собственно, чего рассказывать? До обидного банально. Мы – ровесники. Полтора года вместе. Он уже был женат, я – нет. Строили совместные планы, обживались. На моей территории. И вдруг она. Что меня дёрнуло прочесть запись в его дневнике – ума не приложу. Я ведь не прикасалась никогда к его личным вещам.

– Жизнь – череда совсем неслучайных случайностей вполне определённой направленности, которую мы сами притягиваем: мыслями, поведением. Желаниями.

– Тетрадь упала, когда я прибиралась, открылась на той злополучной странице. Я подумала, что это рассказ, он ведь пишет иногда... и стихи тоже. Но там были даты, детальные описания настроений, обстановки, рассуждения, в которых Антон откровенно, цинично сравнивал её и меня.

– Это могло быть фантазией, выдумкой. Творческие натуры непредсказуемы.

– Если бы не ушёл к ней. Совсем. Теперь дайте выговориться. Это так гадко, так обидно. Да, она моложе, но физическая привлекательность и страсть – ненадёжные, недостаточные аргументы. Мы ведь притереться успели, научились сотрудничать, уступать.

– Мечтаете вернуться в прошлое?

– Ни за что! Слушайте, что было в дневнике. Это случилось у его друга, который пригласил Антона в гости, а сам уехал встречать жену в аэропорт. Теперь мне кажется, что это была инсценировка. С какой целью – непонятно, но объяснить появление в доме друга девушки без комплексов случайностью, не получается.

Насколько я понимаю, в доме был бассейн. Антон сидел на веранде к нему спиной, случайно бросил взгляд на зеркальную стену. Девушка вылезла из воды абсолютно нагая. С чего бы это, она не знала, что в доме гость?

– Да, странно. Возможно, она вашего жениха не заметила.

– Допускаю. Дальше шло эмоциональное, насыщенное эротическими переживаниями описание, за точность которого не ручаюсь. У меня есть скан этих страниц. Хотела сжечь, но не смогла. Меня, писал Антон, неожиданно встретило гулкое биение сердца. Как вам такое?

С тех пор как мы с Людмилой стали жить вместе, эта странная вспышка, необъяснимое волнение при виде чужой, совершенно незнакомой женщины, случилась впервые. Я ведь не мальчишка: женат был, откровенных роликов до одури посмотрелся и вдруг такая странная реакция.

Захотелось разглядеть девчонку конкретно, если не сказать больше – дотронуться, вдохнуть аромат юного тела, отчего стало немножечко стыдно, но по телу пробежала серия сладких волн, извиняющих подобное поведение.

Я ведь не напрашивался. Она сама.

До девчонки было метров пять. От силы семь. Каждая деталь, каждая подробность – словно под микроскопом.

Было мимолётное желание отвернуться, было. Но прошло, испарилось. Я не смог... не сумел оторвать зачарованный взгляд от упругой груди с яркими миниатюрными сосками, покрытой гусиной кожей, от плавной линии рельефно

обозначенного животика, от расслабленной, вызывающе соблазнительной позы, от вида стройных ножек.

– Нормальная мужская реакция, не находите? Не могу ручаться, что на меня подобный стриптиз произвёл иное впечатление. В данном случае решение принимает совсем другой мозг, который не думает – действует.

– Вот и вы туда же. Обидно! Зачем я тут перед вами нагишом танцую, если вы все такие?

– Не нагнетайте. Возбуждение, даже желание – отнюдь не измена. Нормальная для здорового человека физиологическая реакция. Подчиниться ей или нет – другое дело.

– Да, тогда слушайте! Неловкая непристойность момента, пикантная кокетливость наклона тела, открывающая пытливому (вот какому!) взгляду те притягательные интимные детали, которые принято скрывать от посторонних.

Она была прекрасна, если не сказать больше: молодость, беспечно-наивная естественность, скульптурная незащищённость якобы случайного обнажения – всё вместе давало воображению бескрайнее пространство для изобретательной фантазии.

Ловко встряхнув головой, пригладив волосы, назад девушка лукаво посмотрела в мою сторону, делая вид, что не заметила. Но я точно видел вызов в её озорных глазах.

И не ошибся.

Чай остыл. Девчонка ещё некоторое время покрутилась и исчезла.

Воображение живее реальности дополнило картинку. Я её хотел немедленно, прямо сейчас.

Говорят, что желания материальны, что энергии страсти может оказаться достаточно, чтобы добыть чего угодно.

Материализовать желание, да-да, мне удалось! Девочка-видение с полотенчиком в руке вышла из двери в противоположном конце веранды всё в том же незамысловатом виде – как есть. На ней ещё сверкали капельки воды. Она нисколько не смутилась.

Кажется, я влюблён.

– Достаточно. Я не гурман. Значит, описание этой завораживающей серии вы прочитали полностью, причём не единожды. Впечатляет. Но ведь это похоже на сцену из фильма для взрослых: пришёл, увидел, победил. Диагноз: сей выю-

ноша – бабник. Вам не о чем жалеть. Возня под одеялом не имеет отношения к любви. Он не из тех, кто дорожит отношениями.

– Согласна. Такие страсти бушевали на нескольких десятках страниц. Но ведь вы сами сказали, что поступили бы так же. Если это действительно так – зачем кривляться?

– Кто инициировал развод?

– Он. Я бы не решилась, честное слово. Я простила его, простила, простила!

– Вот оно что. Наверно так поступила в своё время ваша мама. Это помогло ей стать счастливой?

– Откуда вы знаете? Нет, нет-нет! Папа вернулся, потом снова ушёл, потом опять вернулся, потом влюбился в другую женщину.

– Печально. Есть желание повторить сюжетную линию дешёвой романтической саги мексиканского разлива?

– Какую?

– Туда, сюда, обратно. Американские горки, карусель, ко-

лесо обозрения. Атракционы любите?

– Вовсе нет. У меня даже от хоровода голова кружится.

– Тогда забудьте. Если невеста уходит к другому, то неизвестно, кому повезло. Касаемо женихов эта сентенция тоже в силе. Остаётся вопрос – ваш мужчина никогда и ничего от вас не прятал? Как предельно интимный документ оказался на столе в открытом доступе? Сдаётся мне, что он подsunул дневник намеренно, а это совсем другая история. Вы уверены, что соблазнительница, тем более, настолько общительная, совсем без комплексов, существует в реальности?

– Уверена. Мало того, она довольно агрессивно настроена. Приходила эта милая крошка со мной разбираться, грозила расправой. Мне показалось – она не шутит.

– Надо же. Обычно такие особы быстро с борта соскакивают, разнообразие уважают, на взлёте дичь стригут, но со сложностями не связываются. Чем же Антон вызвал столь энергичный выброс адреналина у богини грёз? Может, богат не в меру, а вы не знали?

– Куда там. Антоха всегда на подхвате. Исполнитель. Неплохой надо сказать, добросовестный профессионал, но без искорки. Его потолок – пятьдесят тысяч. Рублей. Там

что-то другое.

– Вот, вы уже здраво рассуждаете. А надо ли, полезно ли знать, каким мёдом мажут ловушки для мух? Пусть сами разбираются. Мороженое любите?

– Это про ловушку?

– Чувство юмора на месте, рассудительность в норме. Вы почти здоровы. Готовы ли выслушать всю правду о себе?

– Смотря какую.

– Какую предпочитаете? Был бы я малость храбрее – обязательно влюбился бы. Честное слово, вы обаятельная, вы красивая.

– Моментом пользуетесь, купоны стрижёте? Подайте бога ради, мы тут не местные, хлеба кушать хотим. Угадала?

– Грех смеяться над стариком. Я и жениться готов. Ей бо!

– Вот значит как! Я вам помогу, вы – мне. Ага! Альтруизм оказался ширмой, дымовой завесой для нападения, для агрессии.

– Да ладно, шучу. Что я с ума сошёл что ли, в первую встречную влюбляться? Но уши у вас, правда козырные, а губы... губы и вовсе самые-самые. Да-а! Но, кто в здравом уме на ушах женится!

Люся покраснела до кончиков волос, набычилась, – мне тоже есть, есть, что про вас сказать.

– Рубите правду-матку, Милочка! Поделом мне. Про голос ангельский и походку лебяжью молчу. Не по статусу мне с такой дамой под ручку ходить, не то, чтобы в губы целовать или до роскошных волос дотронуться.

– Я на вас не сержусь, Анатолий Романович. Хотела, но не выходит. Честно-честно. Знаете, мне уже не хочется Антона возвращать. Ниточка какая-то внутри лопнула, даже не заметила, как и когда. И замуж я... согласна. Да-да! Думаете, трусиха, так нет. Предлагайте!

– Вот так, сразу?

– Желаете, аукцион провести, цену набиваете?

– Такая вы мне ещё больше нравитесь. Я другой реакции ожидал.

– Не соскакивайте с темы. Испугались, да!

– У вас кофточка красивая. И грудь удивительная. Мой любимый размер.

– Зубы заговариваете?

– Любуюсь. Мечтаю. Пытаюсь представить вас в интерьере своего скромного жилища.

– Не вписываюсь?

– Ого, вы уже нападаете. Ещё пара минут и смыться не удастся.

– А я почти поверила. С вами так легко. У меня ощущение, что никто меня не бросал. Совсем никто. Я сама его отпустила, я вас ждала. Всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.